

УДК 94(470)

Ю.А. Сорокин

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ «НОВОЙ СХЕМЫ» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Рассмотрены некоторые проблемы национального исторического нарратива, связанные с попыткой создания новой схемы отечественной истории, проанализированы, в частности, содержание программной статьи бывшего руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.Е. Нарышкина и капитальной монографии американского историка А.Л. Янова.

Ключевые слова: *национальный нарратив, новая схема отечественной истории.*

Считается, что наука по природе своей интернациональна. Не существует и не может существовать национальной таблицы умножения или национального закона всемирного тяготения. Но существуют национальные языки, существует национальная литература на этих языках, существует национальная история, существует, наконец, национальные её достижения (национальный нарратив). Признание этого ни в коей мере не отменяет того факта, что наука интернациональна.

К постижению национальной истории не может остаться равнодушной власть, которая позиционирует себя, опираясь на исторические традиции, великое историческое прошлое, патриотизм. Обойтись без этого в современном мире не может ни одна власть, стало быть, любая власть должна отслеживать и, если угодно, контролировать национальный нарратив. Набор средств для достижения этой цели апробирован широчайший; с разной степенью успеха они используются, подчеркиваем это еще раз, во всем мире.

Вот в России 15 мая 2009 г. создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Чтобы придать комиссии официальный (и очень высокий статус), её председателем был назначен тогдашний руководитель Администрации Президента Российской Федерации Сергей Евгеньевич Нарышкин. В журнале «Вестник российской нации» (а появился и такой) в первом-втором номерах за 2010 г. напечатана его программная статья «О старой и новой России, или Постигание национальной истории», в которой научная общественность РФ призвана была дать отпор всем фальсификаторам исторических фактов и событий, умаляющих международный престиж России. Этот отпор, долженствующий быть в полной мере научным, переносился, однако, из сферы науки в сферу политики со всеми вытекающими для науки последствиями.

С.Е. Нарышкин так объяснял интерес власти к национальному историческому нарративу.

1. Модернизация России предполагает модернизацию взглядов на отечественную историю. Одно, по мнению председателя комиссии, вытекает с абсолютной неизбежностью из второго. Насущно необходимо модернизировать взгляды на отечественную историю, во-первых, для власти, шире – политической элиты, которые могли бы отыскать «аналоги своих действий, демонстрировавших бы преемственность с прежними временами и их героями, а тем самым оправдывавших бы времена нынешние», во-вторых, для общества, ищущего «веские и светлые идеалы». Модернизация прошлого при этом не есть ни ревизия прошлого, ни переписывание его на новый лад, ни отказ от прожитого и пережитого, а равно изобретение новых мифов. С.Е. Нарышкин призвал российских историков к «осмыслению прошлого под новым ракурсом, открытию новых фактов». Нужно строить мост между прошлым и настоящим, старым и новым, без которого невозможно будущее – вот его позиция.

2. История каждой страны характеризуется единством и целостностью. Не должно быть переписывания истории, в которой нуждаются «лишь бедные историей, слабые разумом, нищие духом», а равно и дилетанты от науки. Дилетантизм же, по мнению С.Е. Нарышкина, страшен «и в исторической науке, и в практической политике». Им приводятся и конкретные примеры: «Элита целого ряда вновь образованных за последние полтора-два десятка лет государств, а также скороспелые «цветные» режимы, судорожно пытающиеся изобрести собственную якобы национальную идентичность в ущерб исторической объективности».

3. Хуже таких дилетантов из образованных два десятка лет назад государств только российский историк, особенно тот, кто дерзнул осмелиться написать свой учебник по русской истории или

монографию конъюнктурного характера под иностранный «грант».

В итоге происходит историческая путаница, которую С.Е. Нарышкину было угодно обозначать как «разруху в головах». Современную историографическую ситуацию в России он характеризует как замкнутый круг: историческая неразбериха питает почву для исторических фальсификаций, которые еще больше усиливают историческую неразбериху.

4. Выход из данного порочного круга С.Е. Нарышкин предлагает такой:

– «надлежит отказаться от многообразия версий и трактовок, неизбежно превращающих национальную историю в сферу свободного выбора, в товар на рынке»;

– необходимо эталонное изложение отечественной истории с древнейших времен до наших дней, которое будет создаваться российскими историками «с непререкаемым авторитетом» (персоналии не уточняется). Оно будет положено в основу всех учебников по русской истории для средней и высшей школы. Это эталонное изложение будет «неколебимо по сути»;

– должный отпор фальсификаторам и противникам этого эталона должен даваться путем публичных дискуссий:

– создание объективной российской общенациональной энциклопедии, в которой изложены факты, не нуждающиеся в каких бы то ни было комментариях и интерпретациях – это эталон № 1.

Эталон №2 и 3 – общероссийский календарь исторических событий и биографический словарь важнейших персоналий отечественной истории.

5. Защита национальной истории, по мнению С.Е. Нарышкина, есть вопрос национальной безопасности. В частности, им предлагается составить «Перечень критических тем истории Отечества», являющихся приоритетными для защиты со стороны государства. Я понимаю это так: по некоторым темам эталонное мнение будет защищаться государством вплоть до судебного преследования.

6. На защиту эталона должно встать все общество. Эталон должен стать предметом национальной гордости и мощным оружием для борьбы с фальсификациями не только в науке, но и в общественном сознании.

Чиновный автор ратует за «единую и нераздельную» историю России, без разделения на победы и неудачи, на удобные и неудобные для комментаторов периоды.

Чтобы этим теоретическим конструкциям придать импульс на практике, состоялся ряд весьма представительных общегосударственных науч-

но-практических конференций. Одна из них прошла в Москве на базе Российского государственного социального университета в октябре 2010 г. и имела название «Историческое образование в современной России: перспективы развития. Всероссийская научно-практическая конференция ученых, историков и преподавателей», в ходе которой обсуждались и статья С.Е. Нарышкина, и концепция нового учебника по отечественной истории. Сама идея разработать новую концепцию отечественной истории с учетом всех лучших достижений прошлого или хотя бы существенно модернизировать уже существующие встретила понимание. Но попытка создания некоего эталона отечественной истории как аналог эталонного метра или эталонного килограмма была решительно отвергнута и раскритикована.

В самом деле, в современной России нет историков, чей авторитет хотя бы смотрелся «непререкаемым». Нет не только отдельных ученых, но и академических учреждений или образовательных структур с подобным авторитетом. Получается, что такой непререкаемый авторитет либо назначается властью, либо обретается вне исторической науки. Оба пути, понятно, не дадут желаемого результата.

В рамках одного издания, пусть даже энциклопедии с любым количеством томов, невозможно охватить все сущее и бывшее по определению. Стало быть, лакуны и пробелы неизбежны. Многие темы и периоды не обеспечены источниками в должной мере, и не потому, что их нет, а потому, что они не введены в научный оборот по разным причинам (например, хранятся в закрытых фондах); стало быть, их внутренняя и внешняя критика – дело трудов будущих историков и источниковедов. Подготовка «эталонных общенациональной истории» отодвигается в будущее.

Главное же состоит в том, что появление эталонных отечественной истории «неколебимых по сути», раз и навсегда данных, просто уничтожает историю как науку: ответы на все вопросы уже будут даны, на долю ученого-историка остается лишь заглянуть в конец задачника и правильно сформулировать вопрос к эталонному ответу.

С.Е. Нарышкин как будто не понимает, что подобная ситуация уже имела место, по крайней мере, применительно к части отечественной истории: и для науки, и для государства, и для общества все это закончилось плачевно. Любопытно, но вскоре после этой публикации и ее обсуждения С.Е. Нарышкин был снят с должности «руководитель Администрации Президента Российской Федерации». После этого не означает, конечно, в си-

лу того. Но разговоры о постижении национальной истории путем создания ее эталонной версии стихли как бы сами собой.

Между тем задача создания новой схемы национальной истории поставлена совершенно справедливо, ибо в последнее десятилетие своего развития отечественная историография оказалась в ситуации, которую в свое время Г.П. Федотов охарактеризовал следующим образом: «...когда пройдет революционный и контрреволюционный шок, вся проблематика русской мысли будет стоять по-прежнему перед новыми поколениями России», и далее: «Наша история снова лежит перед нами, как целина, ждущая плуга... Национальный канон, установленный в XIX веке, явно себя исчерпал. Его эвристическая и конструктивная ценность ничтожны. Он давно уже звучит фальшью, другой схемы не создано. Нет архитектора, нет плана, нет идеи» [1. С. 27, 66]. Осознавая справедливость этого суждения, современные отечественные историки еще и поэтому заговорили о кризисе исторической науки в России на рубеже XX–XXI вв. Один из возможных выходов из кризисной ситуации действительно состоит в создании новой схемы отечественной истории, принципиально отличающейся от доминировавших не только в XIX в. постулатов государственной школы.

С практической попыткой нового прочтения русской истории выступил известный американский историк Александр Львович Янов, издав монографию объемом в 560 страниц под названием «Россия: у истоков трагедии 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности» (М., 2001). В аннотации к книге без лишней скромности заявляется, что автор, анализируя русскую историю на протяжении пяти столетий, «формирует новую национальную схему», объясняящую периодичность цивилизационных обвалов в России и повторяющуюся из века в век трагедию великого русского народа. Основной тезис автора, ради которого и писалась книга, состоит в следующей мысли: «... у России не одна, а две, одинаково древние и легитимные политические традиции. Европейская (с ее гарантиями свободы, с конституционными ограничениями власти, с политической терпимостью и отрицанием государственного патернализма). И патерналистская (с ее провозглашением исключительности России, с государственной идеологией, с мечтой о сверхдержавности и о «мессианском величии и призвании»)). [2. С. 31.]. Последнюю традицию А.Л. Янов иногда называет азиатской. В результате «тотального террора самодержавной революции» Ивана Грозного Россия утратила европей-

скую идентичность, а вместе с ней погибла «доимперская, докрепостническая, досамодержавная» Россия, что А.Л. Яновым понимается не только как трагедия России, но и трагедия глобального, всемирно-исторического масштаба [2. С. 35–37]. Автор вовсе не склонен ограничивать себя академическими штудиями, но и дает практические советы, главнейший из которых заключается в том, что сегодняшняя Россия имеет исторический шанс вернуться в европейскую семью народов, для чего необходимо разрушить «мифы антиевропейского канона, накопившиеся и в науке, и в политике, и в обыденном сознании» [2. С. 521].

Вполне понятно, что создание «новой национальной схемы» невозможно без критического осмысления исторических трудов предшественников, поэтому А.Л. Янов, демонстрируя несомненную историографическую эрудицию, рассматривает сочинения отечественных и зарубежных авторов и, невзирая на лица и академические регалии, сурово разбирает их построения и системы аргументов. Нелицеприятная критика, скажем, приверженцев «государственной школы» вовсе не означает неуважительного отношения к ним самого А.Л. Янова. В конце концов книгу он посвящает светлой памяти своих наставников В.С. Соловьева и В.О. Ключевского. Но от терпимости автора к чужому мнению или даже от научной корректности не остается и следа, когда речь заходит о блестящей плеяде евразийцев 1920-х гг. А.Л. Янов решительно не приемлет принципиальные положения евразийцев, в частности:

– мысль Н. Трубецкого о том, что «... то современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [3. С. 213.]; и другую: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу» [4. С. 372];

– тезис Г.В. Вернадского: «закрепощение народа на службе государству» унаследовано от ордынских ханов [5. С. 345];

– принципиальное положение К.Н. Леонтьева, принятое позднее евразийцами, о наличии «собственной славяно-азиатской цивилизации», вылившееся позднее в знаменитую евразийскую чеканную формулу: «Культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма, ни механическое соединение из элементов той и другой»; имеет место «срединная азиатская культура» [6. С. 32].

Однако наибольшее неприятие А.Л. Янова вызывают построения Л.Н. Гумилева. Хваленая американская политкорректность сходит у Янова на

нет, когда он рассуждает о «мистификациях» Гумилева, о «навязчивых идеях» Гумилева, когда он ставит на одну доску творчество блестящего ученого Л.Н. Гумилева и писанину мистификатора от исторической науки А.Т. Фоменко. А.Л. Янов не может простить Гумилеву именно то, что миф о «славяно-азиатской цивилизации, изначально чуждой Европе (у евразийцев)», под пером Л.Н. Гумилева превращается в миф о цивилизации, «на смерть враждовавшей с Европой». По Янову, именно с Гумилева «евразийская идея из неевропейской стала антиевропейской» [2. С. 24, 512, 516–517].

Итак, А.Л. Янов категорически не приемлет евразийскую концепцию отечественной истории именно из-за ее неевропейской, а затем и антиевропейской направленности. Право автора принимать или не принимать ту или иную научную концепцию никто не ставит под сомнение. Хуже то, что сам Янов, отрицая «степное иго» (его термин) над Русью, отрицая «азиатский деспотизм» в российской государственности до 60-х гг. XVI в., не приемля тезис об исключительности и самобытности России, совершает чудовищное насилие над фактами, по сути дела, фальсифицирует и русскую историю, и русскую историографию. Укажем на некоторые несоответствия его теоретических построений твердо установленным фактам.

1. Русская земля с середины XIII в. оказалась насильственно втянутой в орбиту ордынского влияния, или, по терминологии евразийцев, стала частью империи Чингисхана – отрицать этот факт, кажется, невозможно, как и существование московского улуса Золотой Орды в XV–XVI вв., по крайней мере, с точки зрения татарских ханств, боровшихся с Москвой за наследие золотоордынских ханов. Победило в этой борьбе «христианизированное татарское ханство» (термин Н.А. Бердяева) – Москва. О фактах, как известно, не спорят. С фактами не спорит и А.Л. Янов. Вместо этого он обрушивается на евразийцев за признание этих фактов.

2. Из рассуждений об ужасах «степного ига» А.Л. Янов делает вывод о том, что с 1480 г. Россия – страна вполне европейская, имевшая юридическую защиту частной собственности, развитое местное самоуправление, суд присяжных, права личности, успешно развивающиеся товарно-денежные отношения и т.п., изрядно опередив в этом отношении Европу. Подобное утверждение автора вызывает недоумение. Если сразу после великого стояния на р. Угре и скорой гибели Ахмата Россия моментально становится европейской страной, то «степное иго» не может быть тяже-

лым, а может быть только номинальным, не влиявшим ни на хозяйственную жизнь, ни на внутреннее устройство русских княжеств. Стало быть, А.Л. Янов должен поддержать евразийцев вообще и Л.Н. Гумилева в этой части, однако этого не происходит. По сути дела, мы сталкиваемся со следующей ситуацией: на словах яростно отрицающий тезис евразийцев, А.Л. Янов его фактически воспринимает, более того – кладет в основу своего видения русской истории.

3. А.Л. Янов вульгаризирует и опошляет евразийскую дихотомию «Запад – Восток». Под его пером на долю Запада (Европы) приходится социальный прогресс, свобода, права личности, собственность, демократия, а на долю востока (Азии) – застой, деспотизм, террор, тотальное огосударствление, подавление личностного начала. А.Л. Янову как будто неизвестно, что на евразийском пространстве к 1480 г. крепостного права, в отличие от Европы, не было никогда, монгольские ханы подчинялись «Ясе» куда более последовательно, чем европейские монархи своим законам, свобода совести в державе чингизидов – норма, монголы не только выбирали себе ханов, но могли смещать их на легальных основаниях и т.п. Не худо бы А.Л. Янову объяснить, почему достижения Руси после падения ига он называет европейскими, если в это время в Европе, по его собственному признанию, многих из них нет и в помине. Не логичнее ли назвать их, например, российскими, раз уж их не было тогда ни на Западе, ни на Востоке. Увы, сделать это А.Л. Янов никак не может, ибо страстно отрицает «славяно-азиатскую цивилизацию», «срединную евразийскую культуру», т.е. своеобразие развития России в конце XV – первой половине XVI в. В итоге, по Янову, Россия была страной европейской, когда той Европе, которую так идеализирует Янов, еще предстояло появиться.

4. Напрасно А.Л. Янов полагает, что положение о своеобразии российской истории и культуры доминирует не только у евразийцев, но и в отечественной историографии и философии в целом. По крайней мере, в марксистской парадигме мы этого утверждения не найдем. М.Н. Покровский в предисловии к книге Н.П. Павлова-Сильванского «Феодализм в Древней Руси» показал это с полной определенностью: «Для марксистов ответ, конечно, давно был готов – раз экономический процесс в России шел по тем же ступеням, как и на Западе, политическая история должна была представлять те же сходства... Исследователь (Н.П. Павлов-Сильванский. – Ю.С.) нанес глубокую рану историческому предрассудку (о своеобразии)

разии русской истории. – Ю.С.), усердно культивировавшемуся царизмом... Кто и после этих работ не отказался от «своеобразия», тот или упрямый старовер, или слишком уж запуган авторитетом предшественников... Россия пятьсот лет тому назад политически шла одним путем с Западной Европой, и то, что «приказало долго жить» там (крушение абсолютизма. – Ю.С.), не воскресить на несколько градусов долготы восточнее» [7. С. 576–577]. Подобного рода «подмена тезиса», как это называется в науке логике, к сожалению, характерна для монографии А.Л. Янова.

В итоге А.Л. Янову удалось сделать банальные выводы из своего многостраничного исследования, его политические, а отнюдь не только научные, симпатии исказили многосложную картину исторического развития и интерпретацию этого развития в историографии. Впрочем, мы разделяем критику А.Л. Яновым современного русского евразийства в лице, к примеру, В.В. Ильина и А.И. Панарина. Неоевразийцы ратуют сегодня за «имперский рванш», за восстановление империи на евразийском пространстве, игнорируя, по сути дела, великий принцип общежития народов, сформулированный Л.Н. Гумилевым: «Жить вместе, но не смешиваться».

Мы солидарны с А.Л. Яновым в главном его тезисе. Совершенно справедливо исследователь отказывается считать Россию «отдельной, принципиально неевропейской цивилизацией», критикуя ее противопоставление Европе [2. С. 11]. Две упомянутые тенденции – европейская и азиатская, по терминологии А.Л. Янова, – действительно имели место в российской истории фактически с киевских времен, если, конечно, отвлечься от откровенно неудачных дефиниций при их обозначении. Мы вполне разделяем тревогу ученого по поводу «терминологического хаоса» в исторической науке, поддерживаем его вывод о том, что методологических, историософских конструкций, на основе которых можно создать качественную схему национальной истории, в арсенале современной исторической науки нет, несмотря на все разнообразие и пестроту методологических подходов, в том числе и самоновейших. Нас всего лишь не устраивают способ доказательства, некоторые ар-

гументы А.Л. Янова, особенно в части критики работ своих предшественников. Наш автор предлагает весьма нелюбезную критику положений и выводов маститых историков В.И. Сергеевича, А.А. Зимина, Р.Г. Скрынникова, К. Витфогеля, А. Тойнби и многих других, но все-таки он относится к ним как к коллегам-ученым. Неприятие же евразийской концепции и критика ее создателей – за гранью науки.

Наш главный упрек построениям и выводам А.Л. Янова состоит, однако же, в другом. Предложенная им схема не является именно новой. Американский историк лишь обобщил мнения, уже имевшиеся в литературе, так сказать, переформатировал их, подготовив при этом яркое, во всяком случае, незаурядное исследование, но не решил при этом основной задачи – создать новую схему отечественной истории.

Потребность в такой схеме вполне назрела, осознана научной общественностью и властью. Предпринимаются попытки ее создания хотя бы в части учебной литературы. Вот только не повторить бы ошибок прошлого, о которых так ярко в свое время писал Г.П. Федотов: «Почти все крупные исследования национальных и имперских проблем оказались представленными историками националистического направления. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую темные стороны исторической государственности. Эта схема вошла в официальные учебники, презираемые, но поневоле затверженные и не встречавшие коррективы» [1. С. 317].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. СПб., 1991. Т. 1.
2. Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001.
3. Трубецкой Н.С. История, культура, язык. М., 1995.
4. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1923.
5. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.
6. Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926.
7. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.